

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В ХХІ ВЕКЕ

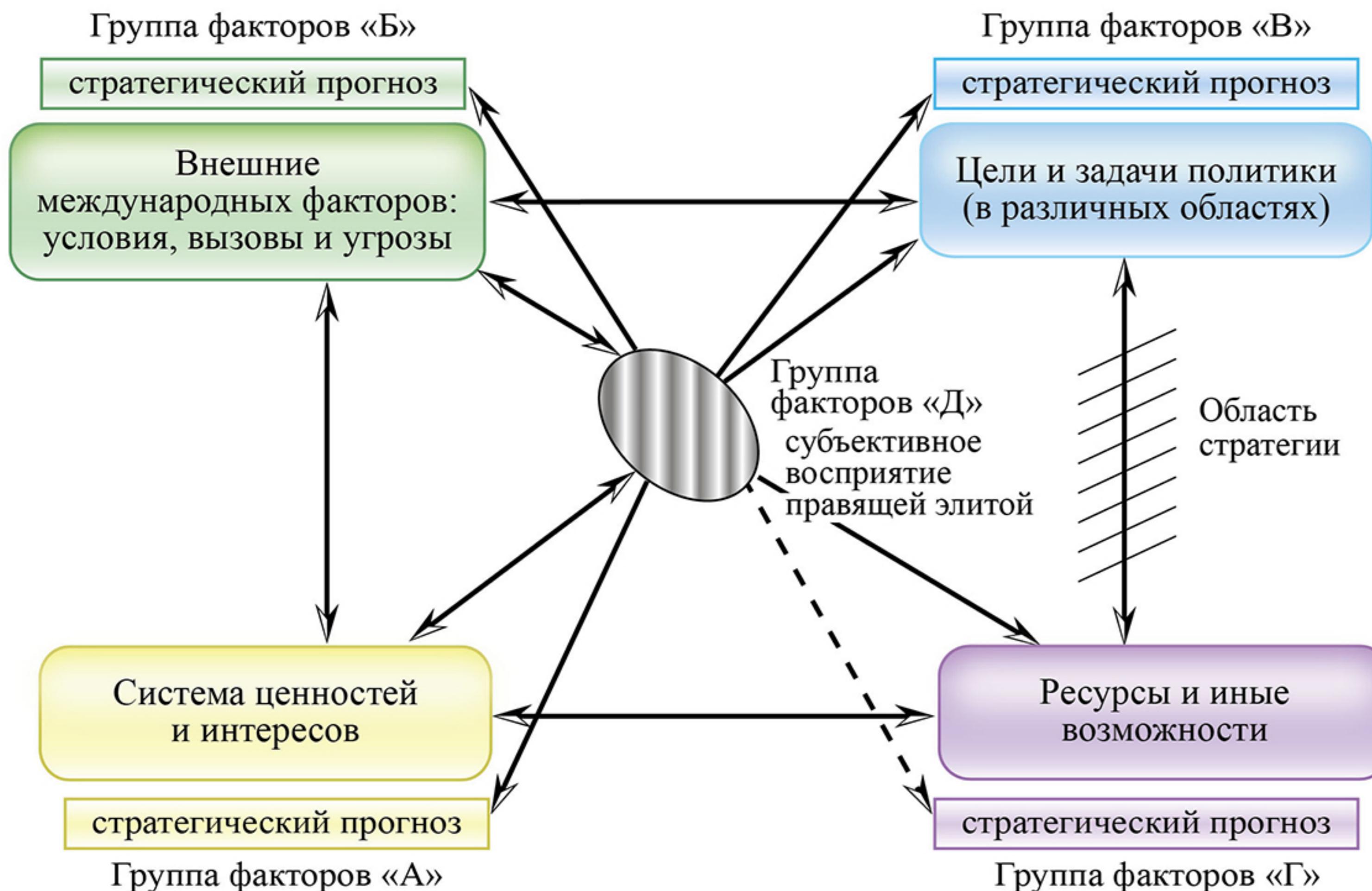
Подберезкин Алексей Иванович
д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной
истории, директор ЦВПИ

сентябрь 2016 г.

Любой общественно-политический анализ и прогноз – субъективен, но в его основе лежит:

- сумма определенных знаний;
- качественная (и объемная для анализа МО и ВПО) информация;
- интуиция;
- вера.

Основа современного анализа и прогноза политического процесса (модель)

Основные (самые общие) условия стратегического прогноза развития МО и ВПО в ХХI веке

- Основными субъектами, влияющими на формирование МО, становятся локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ) и их коалиции и союзы, которые в основном предопределяют будущие сценарии развития МО и ВПО;
- Наибольшее влияние до 2050 годов сохранит западная ЛЧЦ во главе с США и своими союзниками и партнерами (50–60 государств);
- Международная обстановка (МО) формируется под влиянием четырех основных групп факторов: субъектов МО (ЛЧЦ и государств), акторов ММО; мировых тенденций и развития человеческого капитала и его институтов;
- Военно-политическая обстановка (ВПО) является преимущественно (на 50–75%) следствием развития МО и отчасти следствием развития внутренних факторов и конкретной стратегической обстановки (СО);
- Научный прогноз долгосрочного развития МО и ВПО возможен и необходим, несмотря на усиление роли субъективных факторов;
- Основными объектами воздействия того или иного субъекта или актора в ХХI веке будут:
 - правящая элита;
 - система национальных (цивилизационных) ценностей;
 - силовая корректива политических целей и задач, т.е. (в порядке приоритетности) векторы: «Б»–«Д», «Б»–«А», «Б»–«В»;
- Доминирующие особенности стратегии влияния:
 - системность, комплексность, сочетаемость всех силовых средств и способов;
 - сетецентричность.

Официальный сайт Центра: www.eurasian-defence.ru, на котором доступны все работы:

Доклад-результат работы Центра за 2013–2016 гг., который подготовил следующие основные работы:

1. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.М. Подберезкина, К.П. Боришполец. – М.: МГИМО (У), 2013;
2. Евразийская воздушно-космическая оборона;
3. Подберезкин А.И. Сборник сокращений по международной, политической социально-экономической и военно-политической тематике. – М.: МГИМО (У), 2014;
4. Подберезкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитич. доклад. – М.: МГИМО (У), 2014.
5. Подберезкин А.И., Султанов Р.Ш., Харкевич М.В. и др. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад. – М.: МГИМО (У), 2014.
6. Великая победа. 3-е изд. В 15-и томах. – М.: МГИМО (У), 2016.
7. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. – М.: МГИМО (У), 2015.
8. Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. – М.: МГИМО (У), 2015.
9. Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. – М.: МГИМО (У), 2015.
10. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А. И. Подберезкин, В. Г. Соколенко, С. Р. Цырендоржиев. – М.: МГИМО (У), 2015.
11. Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО (У), 2016.

Теоретическим и методологическим вопросам анализа и прогноза развития МО и ВПО были в 2013–2016 годы посвящены и другие работы центра, в частности:

12. «Евразия и Россия». – М.: МГИМО (У), 2013. – 517 с.;
13. «Военные угрозы России». – М.: МГИМО (У), 2014. – 268 с.;
14. «Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки». – М.: МГИМО (У), 2014. – 874 с.;
15. «Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики» в двух томах: том I «Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики». – М.: МГИМО (У), 2015. – 796 с., том II «Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года». – М.: МГИМО (У), 2015. – 722 с.;
16. «Третья мировая война против России: введение к исследованию». – М.: МГИМО (У), 2015. – 169 с.;
17. «Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года». – М.: МГИМО (У), 2015. – 325 с.;
18. «Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений». – М.: МГИМО (У), 2015. – 581 с.

Кроме того, Центром были:

19. «Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки». – М.: МГИМО (У), 2014. – 159 с.;
20. «Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке». – М.: МГИМО (У), 2014. – 175 с.;
21. «Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России». – М.: МГИМО (У), 2014. – 44 с.;
22. «Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития». – М.: МГИМО (У), 2014. – 167 с.;

23. «Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки». – М.: МГИМО (У), 2014. – 105 с.;

24. «Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности». – М.: МГИМО (У), 2014. – 60 с.;

За 2015–2016 годы экспертами ЦВПИ подготовлено и опубликовано в интернет-СМИ 496 статей и аналитических материалов. За эти же годы эксперты Центра дали интервью и выступили в средствах массовой информации более 450 раз.

По данной тематике переведено 730 зарубежных материалов.

ЦВПИ организовал и провел более 100 круглых столов, рабочих семинаров и ситуационных анализов, а также Центром организовано более двадцати научных конференций различного уровня.

Все это говорится для того, чтобы было можно утверждать, что выводы о наиболее вероятном сценарии развития МО и его вариантах в долгосрочной перспективе до 2050 года могут считаться вполне обоснованными, хотя, естественно, и не абсолютно точными.

В качестве наиболее вероятного сценария развития МО до 2050 годов был предложен сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ)» с другими ЛЧЦ, центрами силы и странами за сохранение своего контроля над созданными этой ЛЧЦ военно-политической и финансово-экономическими системами в мире в предыдущие десятилетия.

Модель международной обстановки (МО), формирующаяся под влиянием четырех основных групп факторов и тенденций

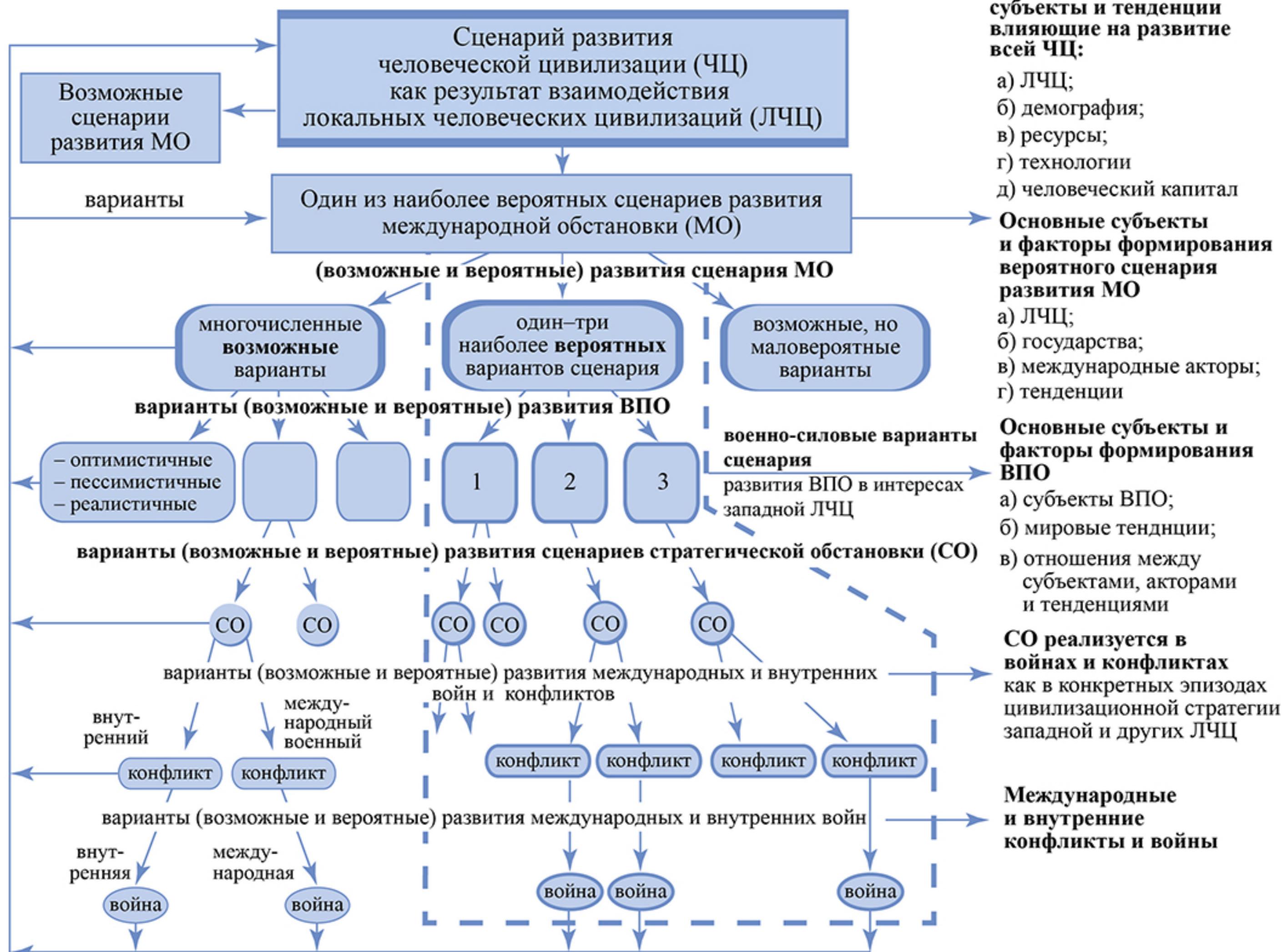

Локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ), как видно на рисунке, относятся к группе факторов – субъектов МО, в которую входят нации, государства, союзы и коалиции.

Однако со второй половины XX века в этой группе факторов именно ЛЧЦ, возглавляемая страной-лидером, стала играть решающую роль.

Это привело к тому, что в конце XX века стали говорить о том, что именно характер отношений между ЛЧЦ определяет характер МО, а влияние других групп факторов носит второстепенный характер.

Логика развития взаимоотношений между ЛЧЦ и другими субъектами МО с точки зрения влияния на формирование МО и ВПО, а также будущего характера международных и внутренних войн и военных конфликтов

Как видно из этого рисунка, развитие ВПО, СО и вероятных войн и конфликтов **во многом детерминируется развитием человеческой цивилизации и МО, прежде всего отношениями между ЛЧЦ**. Справедливо, однако, и обратное утверждение: влияние войн, конфликтов и логики военно-технического и военно-политического развития на МО не только существует, но и может быть весьма существенным, (на данном рисунке) оно и показано стрелками, иллюстрирующими обратное влияние.

Актуальность. Современное состояние стратегического прогнозирования

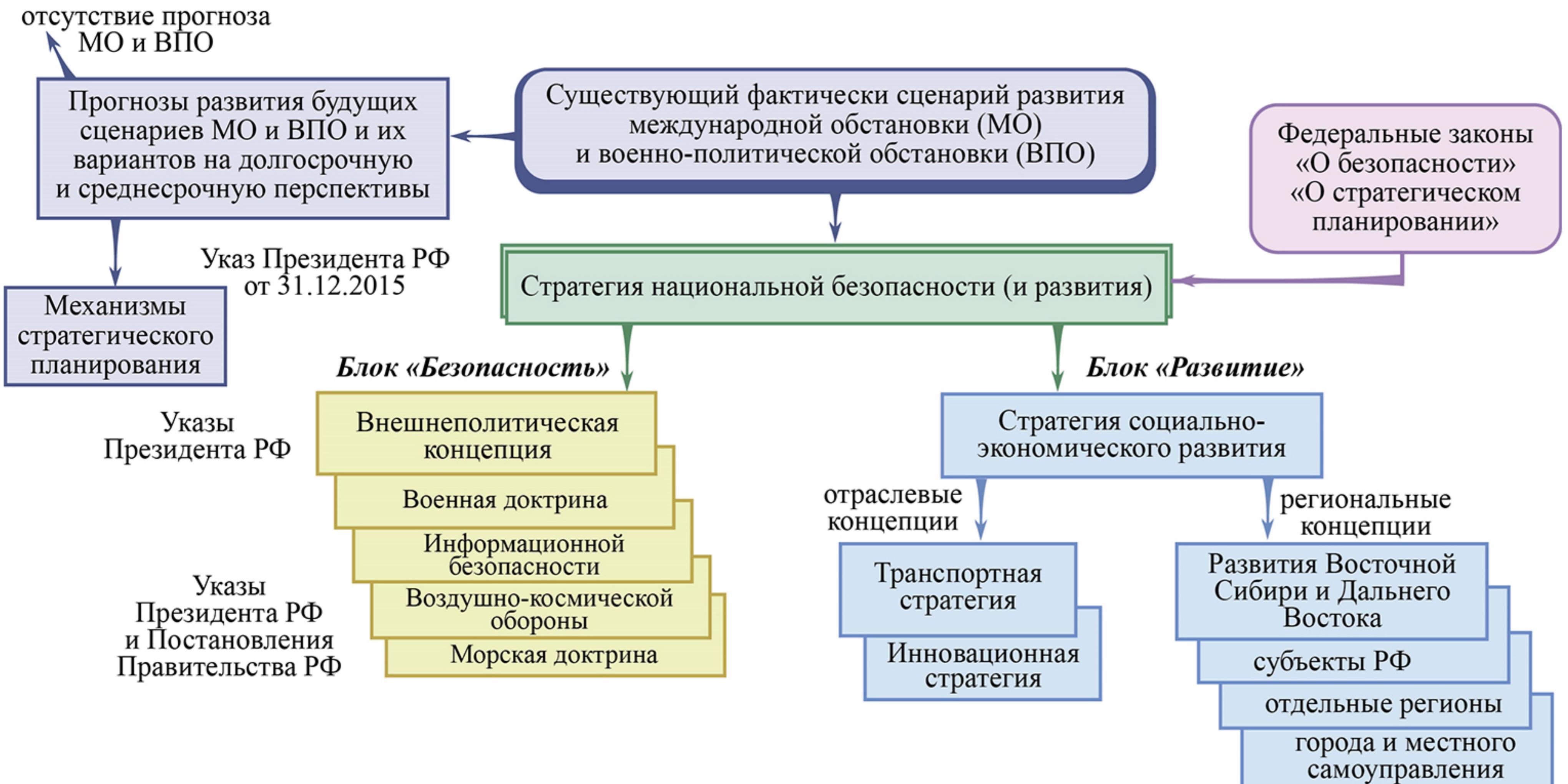
К сожалению, в 2016 году в Российской Федерации все еще отсутствуют не только целевые области стратегического прогноза и планирования, но даже понимание в их необходимости. 30 августа, например, МЭР дал очередной прогноз на 2017–2019 гг., основанный на возможности повышения цен на нефть с 40 до 50 долл. За баррель. В июне 2016 года по решению Президента РФ впервые был создан Совет при Президенте России, который должен ответить на многие вопросы.

Таких ответов пока что нет ни в законодательных, ни в нормативных документах, ни в теории, а именно необходимо:

- дать стратегический прогноз и соответствующие рекомендации в области стратегического планирования развития МО и ВПО, как минимум, до 2040–2050 годов (некоторые системы ВиВСТ будут служить еще и в 2060-х гг.);
- создать систему законодательно-нормативных документов, обеспечивающих реальное долгосрочное прогнозирование и планирование, которая сегодня сводится к нескольким ФЗ и Указам Президента РФ;
- создать эффективный механизм управления, во-первых, обеспечением национальной безопасности, а, во-вторых, социально-экономическим развитием нации;
- рассмотреть развитие России и обеспечение ее безопасности в широком контексте развития МО и ВПО, а также противоборства локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), центров силы и их коалиций.
- совершенствовать Стратегию национальной безопасности прежде всего с точки зрения ее законодательной **приоритетности**, превращения в ФЗ по аналогии с законами СССР о пятилетнем плане развития;
- превратить военную организацию РФ не только в орган государственного управления, но и в орган управления обществом и бизнесом;
- дополнить Стратегию прогнозом развития МО–ВТО, как минимум, на 20–25 лет.

Естественно, что эта работа не может быть реализована без соответствующей теоретической, методологической и методической базы, с создания которой необходимо начинать для того, чтобы практические политические и иные задачи решались наиболее эффективно и адекватно.

Существующая иерархия стратегий, концепций и планов национального развития и безопасности

- не предусматривает влияния стратегического прогноза на Стратегию;
- не дает реального общенационального стратегического прогноза.

Последовательность разработки стратегических прогнозов

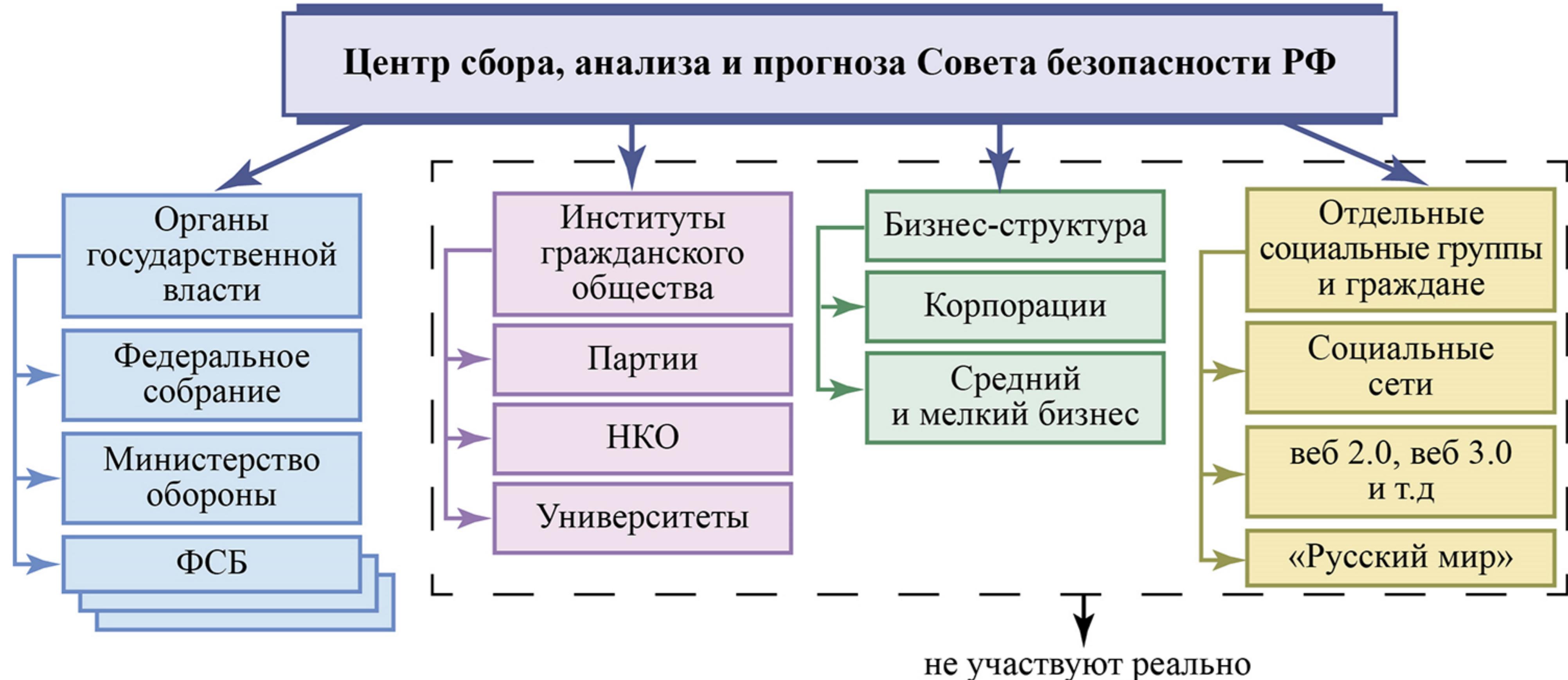

Последовательность разработки стратегических прогнозов

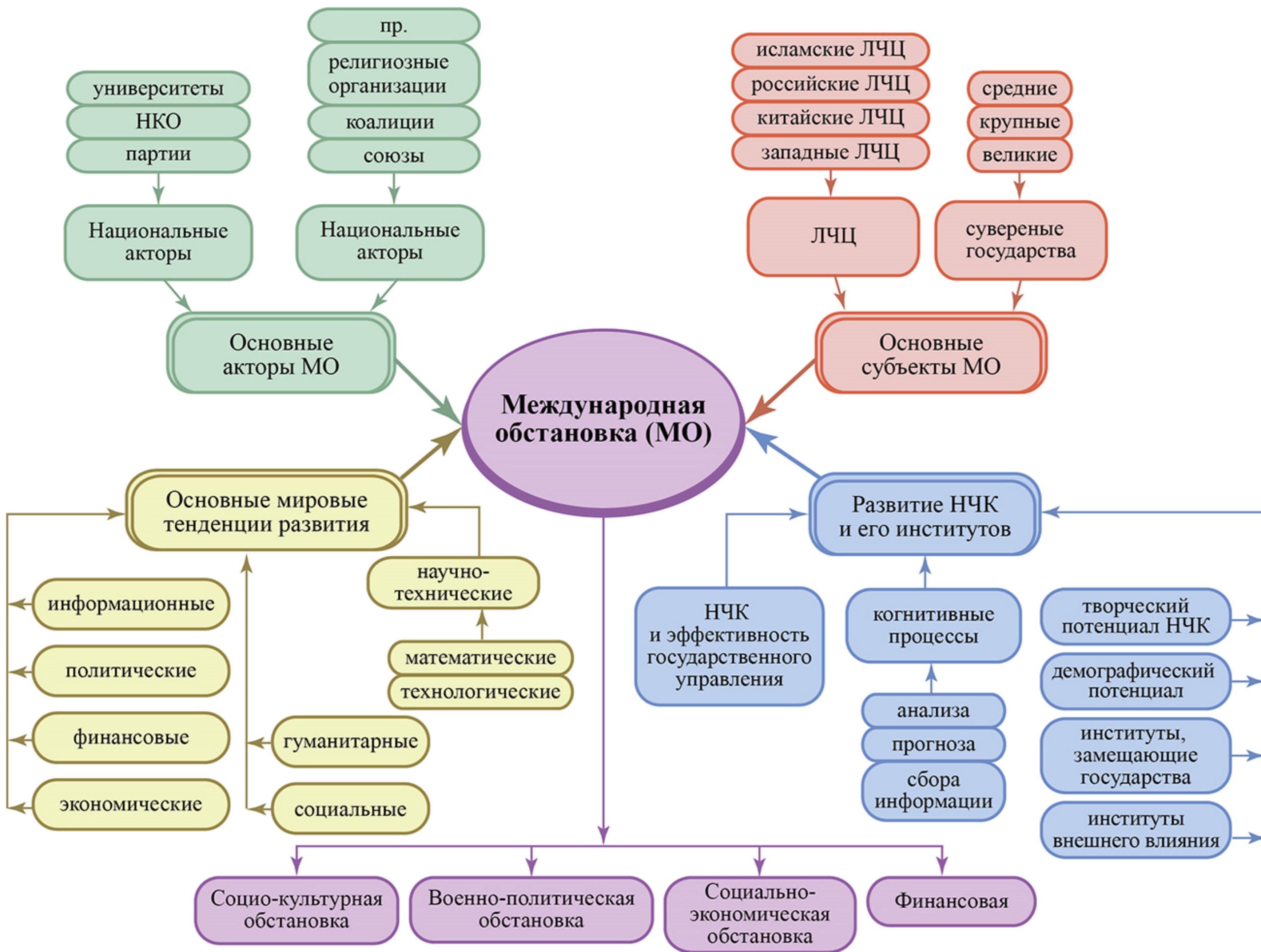
Предлагается в этой связи сделать попытку подготовить проект нового варианта Стратегии национальной безопасности с соответствующими комментариями в качестве альтернативы существующей стратегии, утвержденной Указом Президента РФ 31 декабря 2015 года, где главными исполнителями будут не только анонимные центры неких органов власти, но и все институты общества и нации.

Экспертно-аналитическая структура обеспечения деятельности новой военной организации

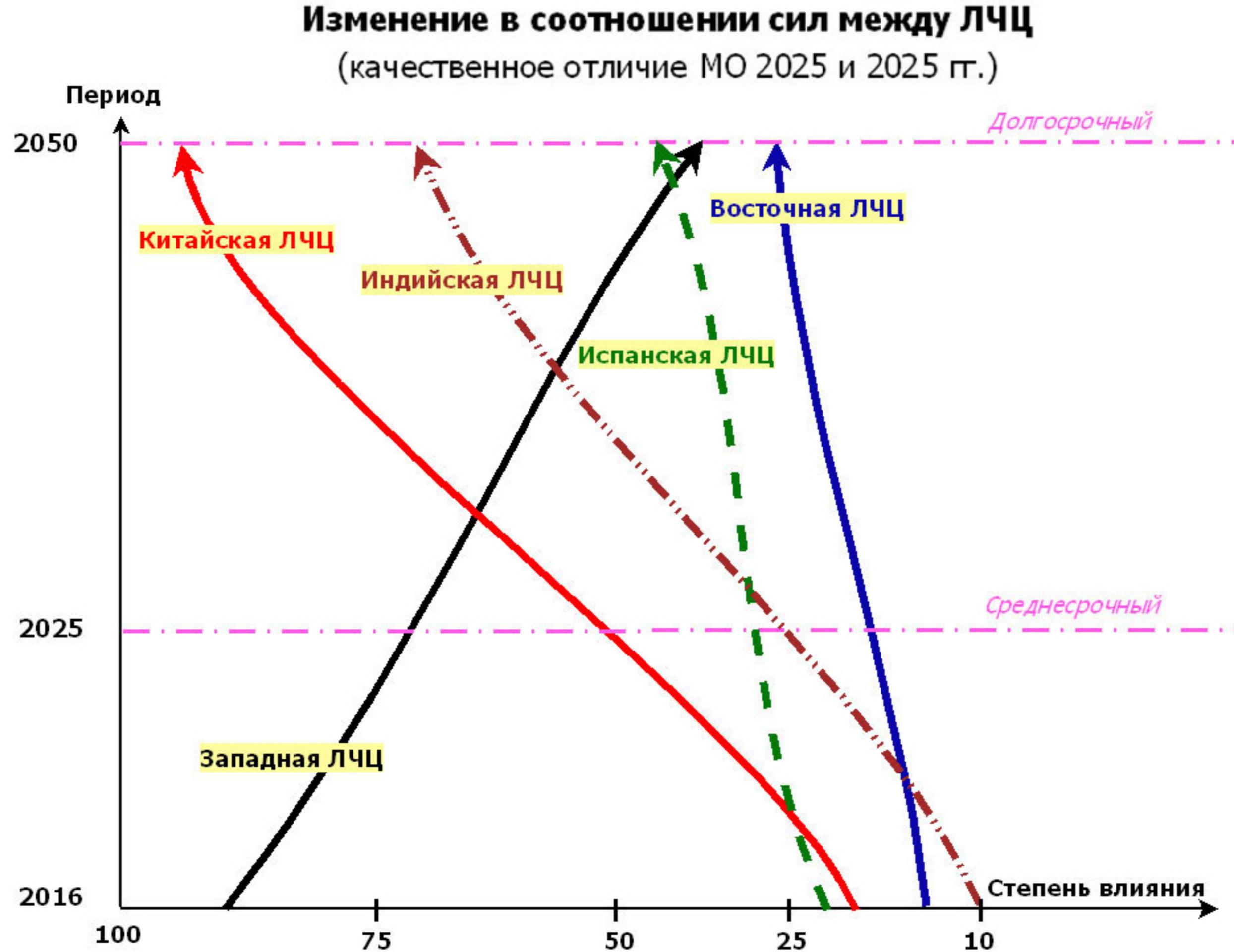

Из рисунка видно, что пока что в интересах безопасности и развития работают (с разной степенью эффективностью) только центры сбора и анализа информации некоторых государственных структур. Остальные возможности (может быть) используются только частично.

Абстрактная структура МО в XXI веке, из которой формируется ВПО и СО

В основе глобальных изменений в отношениях между ЛЧЦ и МО лежат прежде всего объективные изменения в соотношении сил между ведущими ЛЧЦ и, как следствие, степени их влияния на МО и ВПО. Так, если взять за точку отсчета 2016 год, то влияние западной ЛЧЦ в основных областях можно оценить как «решающее», которое сохранится, как минимум, до 2030 годов в качестве «очень сильного», но после 2040 года останется просто «сильным» по мере изменения соотношения сил в пользу других ЛЧЦ.

Степень влияния, измеряемая в баллах экспертами: – «решающая» – 75 и выше; – «очень сильное» – 50 и выше; – «сильное» – 25 и выше; – «заметное» – 10 и выше.

Из этой оценки роли западной ЛЧЦ во многом вытекает и ее глобальная стратегия, которую в настоящее время формулируют США не только для себя, но и для контролируемой ими коалиции из более 50 стран, считающихся союзниками и близкими партнерами.

Основные направления среднесрочной стратегии западной локальной цивилизации до 2025 годов

Системная стратегия западной ЛЧЦ была отчетливо проиллюстрирована в июне 2016 года в документе ЕС, посвященном новой глобальной стратегии ЕС на саммите в Брюсселе, которая конкретизировала прежнюю политику «комбинированного наступления» ЕС и НАТО на восток. В этом документе можно выделить следующие принципиальные положения:

- главной категорией и сущностной чертой «Европы» является «общая система ценностей», являющаяся ценностной характеристикой, которую нужно продвигать, т.е. проводить экспансию расширения;
- в направлении России ЕС проводит политику «европейского соседства», которая относится к пяти постсоветским государствам, включенным в программу «Восточное партнерство» (не предусматривающую расширение ЕС, но предполагающую ассоциацию), а также «способность к устойчивости», т.е. противодействия России;
- ЕС отказывает России в расширении ее влияния на постсоветском пространстве, где Брюссель прямо говорит о заинтересованности в ресурсах этих территорий, в частности «устойчивый доступ к глобальному общему достоянию» (sustainable access to global commons);
- Россия представляет «ключевой вызов» ЕС, связанный с противодействием продвижению ЕС на восток. Это требует от Запада:

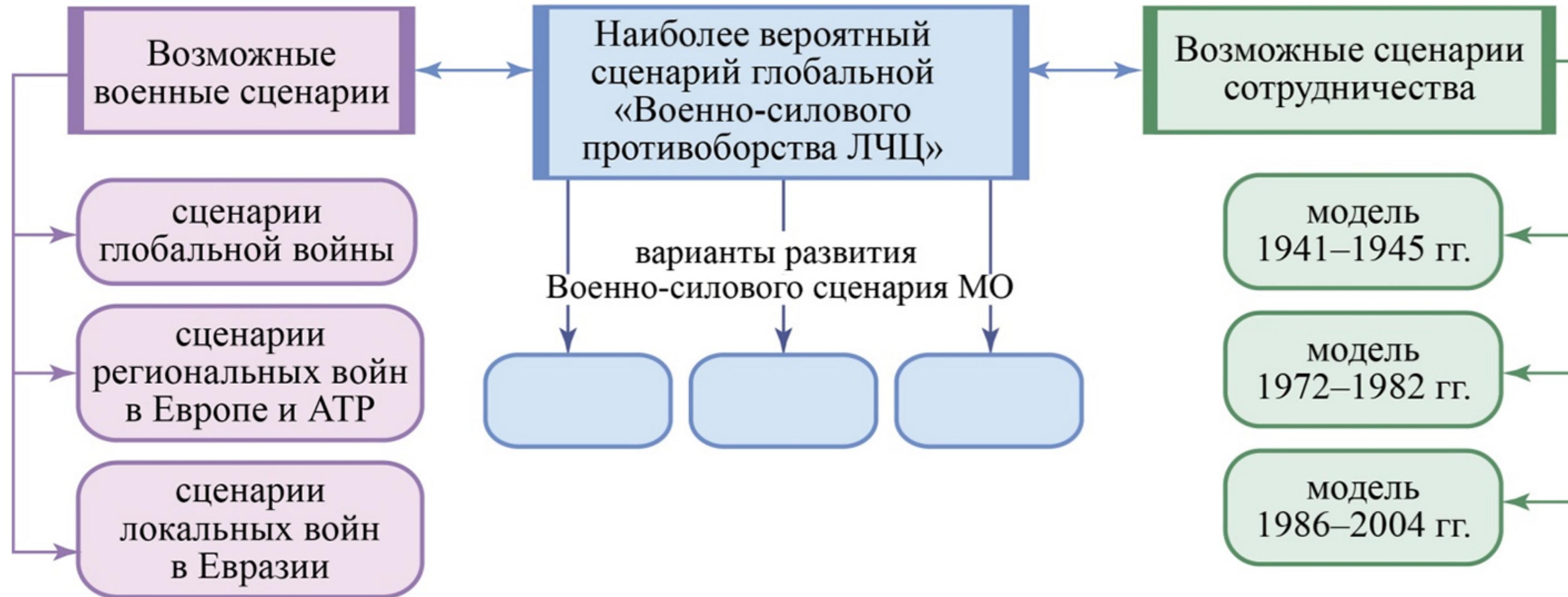
- общего и последовательного подхода к России всех членов ЕС;
- применение идеологии «уважения международного права»;
- ЕС готов к «избирательному взаимодействию с Россией».

– geopolитически, политика ЕС на:

- южном и восточном направлении направлена на создание зависимой периферии;
- на западном направлении – «углубления трансатлантических связей и партнерства внутри НАТО»;
- ЕС не заинтересован в четком определении на востоке границы своего влияния;
- периферия на востоке нужна ЕС для расширения экономической деятельности и сферы своей безопасности;
- территория России должна сама стать периферией ЕС;
- ЕС будет избегать прямого военного конфликта с Россией, используя средства новой публичной дипломатии, оставляя военные средства США и НАТО.

Вывод: Надо избавляться от политических иллюзий в отношении ЕС и возможностей сотрудничества.

Возможные и вероятные сценарии развития МО до 2025 года

Из предлагаемого рисунка делается следующий долгосрочный прогноз:

- возможные сценарии и их варианты прямого военного противоборства западной ЛЧЦ с Россией полностью не исключаются, но слишком рискованы и дороги, а поэтому маловероятны;
- возможные сценарии сотрудничества с западной ЛЧЦ крайне маловероятны из-за того, что не ожидается складывание внешних условий, угрожающих западной ЛЧЦ, которые всегда являлись основой для такого сотрудничества.

Другими словами эти сценарии могут перейти из категории «возможные» в категорию «вероятные» только в случае появления прямых и непосредственных угроз западной ЛЧЦ (например, войны с исламской ЛЧЦ или китайской ЛЧЦ, либо глубокими внутриполитическими – этническими и пр. – кризисами);

- наиболее вероятным, таким образом, остается на 2016–2025 годы сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ», который остается, если использовать метод исключения других, менее вероятных сценариев.

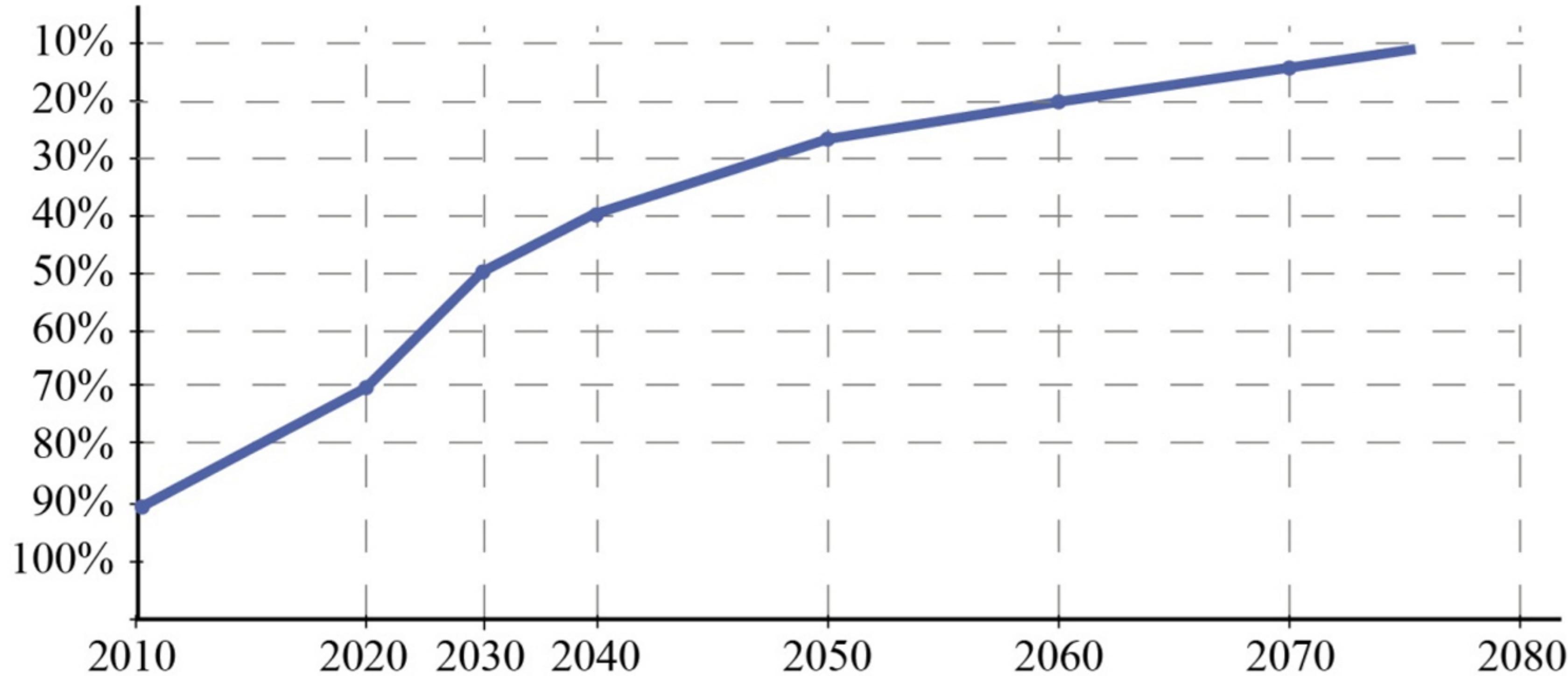
При этом такой сценарий будет характеризоваться следующими особенностями:

- а) нарастанием **силового давления** на Россию, в котором все большее значение будут приобретать силовые средства политики, а в них – военный компонент;
- б) распространением такой силовой политики на **все области отношений** – от спорта и торговли до военно-технического сотрудничества, – т.е. системное использование силовых инструментов;
- в) стремлением **ограничить влияние** России на другие страны, а затем и полностью их подчинить, включить в исключительную область влияния Запада;
- г) использование для этого в стратегии **различных вариантов развития сценария** глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», сочетая давление, компромиссы и даже незначительные уступки.

Стратегия западной ЛЧЦ объясняется несколькими причинами, с которыми уже сегодня считаются не только в США, но и в странах – союзниках широкой военно-политической коалиции, созданной ими на базе западной ЛЧЦ.

Прежде всего речь идет о неизбежном ослаблении относительной мощи и влияния США в долгосрочной перспективе.

Тенденция ослабления влияния США может быть графически отражена следующим образом

Влияние США на мировые процессы может быть принято:

- 80–90% – близкое к абсолютному;
- 60–80% – решающее;
- 50% – очень сильное, определяющее;
- 30–40% – сильное;
- 20–30% – заметное;
- 10–20% – существенное;
- до 10% – незначительное.

Спектр и масштабы традиционного применения «жесткой силы» (масштабной войны) снижаются. И наоборот – избирательного использования военной силы в другой форме – специальных операций, террора, асимметричных войн и т.д. – увеличиваются.

Очень приблизительно эту «долю» можно проиллюстрировать в виде следующей таблицы.

Роль традиционной «жесткой силы» и «мягкой силы» («принуждения») в ходе эволюции военно-силового сценария развития МО

	«жесткой силы»	«мягкой силы»
МО в 2015 г.	60%	40%
МО в 2021 г.	70%	30%
МО в 2025 г.	80%	20%
МО в 2025–2026 гг.	85%	15%
МО в 2026–2029 гг.	90%	10%
МО в 2030 г.	95%	5%
МО после 2030–2031 гг.	?	?

В среднесрочной перспективе с 2016 до 2025 года западная стратегия военно-силового противоборства будет придерживаться нескольких основных внешнеполитических принципов. Основным принципом будет концентрация усилий западной ЛЧЦ на инициировании внутренних конфликтов в основных странах, представляющих угрозу сохранению контроля Западом над МО в мире.

Два вида деятельности войск (сил) на поле боя

Соответственно такая активная политика потребует новых средств и способов силового и вооруженного воздействия, которые будут выходить далеко за рамки традиционных представлений о межгосударственных и межцивилизационных отношениях. Так, бывший советник НГШ И. Попов изобразил это следующим образом. Не случайно за последние 5 лет силы специальных операций США увеличены с 30 до 70 тыс. человек.

Можно выделить три варианта этого сценария: пессимистический, реалистический и оптимистический.

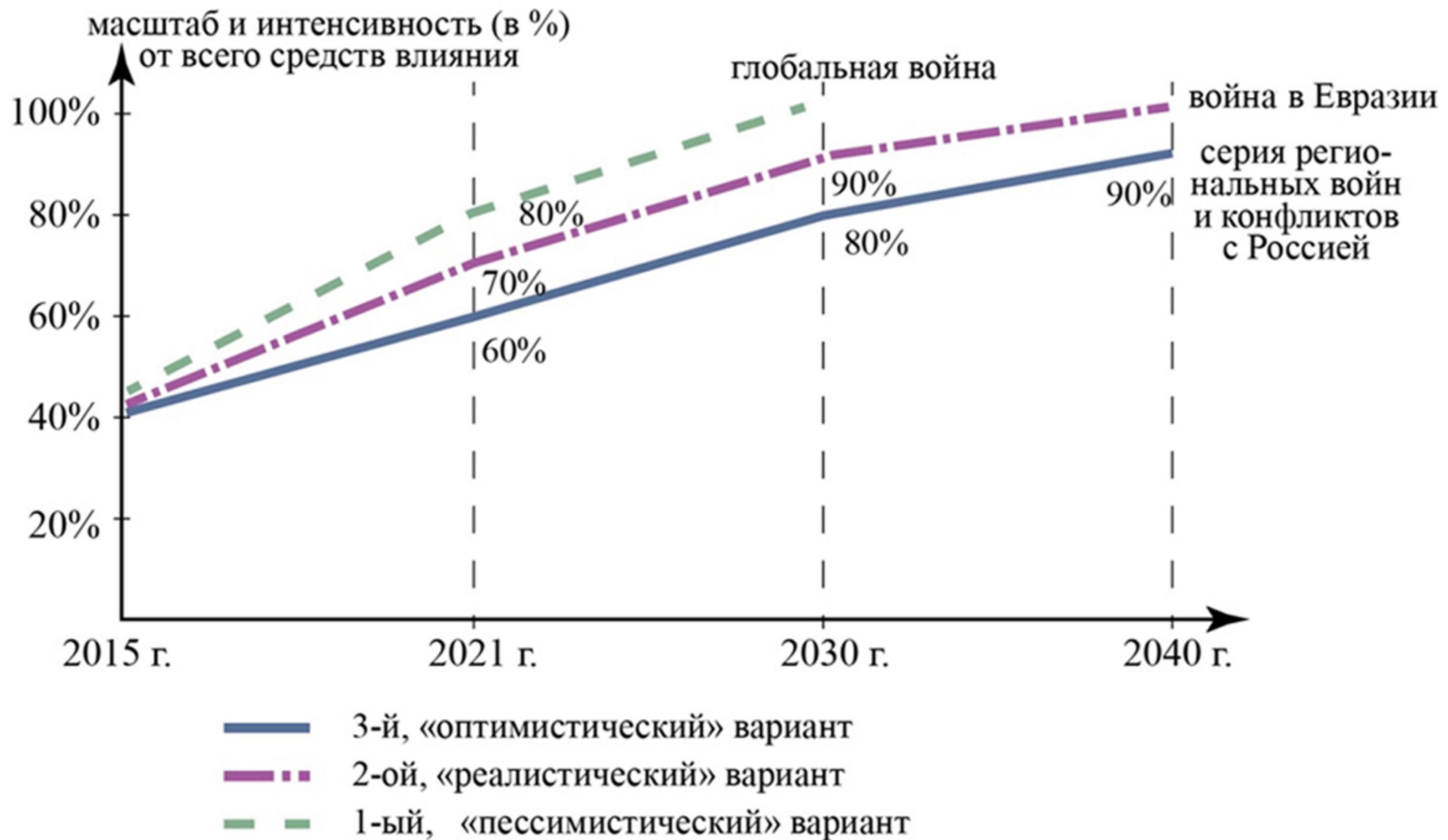
Наглядно это разделение показано на нижеследующей схеме.

Логика наиболее вероятного сценария развития МО до 2025 года

Подчеркну, что это варианты **одного и того же сценария**, которые отличаются, прежде всего, ролью, значением, масштабом и интенсивностью использования военной силы среди прочих силовых инструментов политики западной ЛЧЦ.

Отличие вариантов базового сценария развития МО глобальное «Военно-силовое противоборство ЛЧЦ» до 2025 года в роли, масштабах и интенсивности использования военной силы в общем объеме средств силовой политики западной ЛЧЦ

«Оптимистический» вариант (№ 3) – 10%, – наименее вероятный вариант;
«Реалистический» вариант (№ 2) – 20%, – маловероятный вариант сценария;
«Пессимистический» вариант (№ 1) – 50%, – наиболее вероятный вариант;
Иной возможный или комбинированный вариант развития «Военно-силового сценария» МО – 20%.

Этапы и периоды развития вероятного сценария

Сценарий глобального «Военно-силового противоборства» на этапе с 2016 по 2025 гг. можно рассматривать как некую серию периодов, которые объединены тенденцией наращивания силового (в т.ч. вооруженного) противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ.

Условно весь этап развития сценария МО до 2025 года можно разделить на 3 периода:

- период 2016–2018 годов – завершение формирования западной военно-политической коалиции ЛЧЦ;
- 2018–2021 годы – завершение военно-технической подготовки для ведения глобальных военных действий западной ЛЧЦ и создание внутренней оппозиции;
- 2021–2025 годы – военно-силовое использование мощи западной ЛЧЦ для утверждения норм и правил, соответствующих системе интересов и ценностей этой ЛЧЦ.

Конечной целью всего современного этапа развития МО, который завершается третьим периодом, является утверждение в качестве доминирующих международных норм и правил системы ценностей и интересов западной ЛЧЦ, которое на этом этапе планируется обеспечить с помощью силы, включая военную силу. Графически развитие этих периодов первого этапа можно проиллюстрировать следующим образом.

Развитие МО на первом этапе военно-силового сценария, реализуемого западной ЛЧЦ (конец 90-х годов XX века – вторая половина 2020-х годов XXI века)

Конец 90-х гг. XX в. (подготовительный период)	2016–2018 гг. (период завершения форми- рования коалиции)	2018–2021 гг. (военно-техническая подготовка западной ЛЧЦ)	2021 – конец 2020-х гг.	
Подготовительный период пере- хода к доминированию западной ЛЧЦ (однополюсной / односис- темной системе МО)			Силовое и военное противоборство	утверждение силой норм, правил и процедур
Завершение формирования воен- но-политической коалиции	→	управление	развитие и применение	утверждение
Военно-технические приготовле- ния	→ ускорение	→ завершение	→ применение	→ развитие
Политическое использование насилия	→ публично- демонстративное (угроза)	→ повсеместное распро- странение	→ результаты	→ закрепление

Военно-технические приготовления

Основной акцент периода 2018–2021 годов будет сделан на завершении военно-технических программ, начатых в прежние годы. Для обеспечения эффективности своей силовой политики США требуются военные Гарантии прежде всего в отдельных регионах, таких, например, как Евразия, которые выражаются в наличии превосходства как в военной мощи, так и в качестве ВиВСТ.

Прежде всего речь идет о средствах воздушно-космического нападения (ВКН), эффективность которых за последние 20 лет резко возросла. Так, если сравнивать две войны США в Ираке (1991 г. и 2003 г.), то получается, что в 2003 году значительно меньшими силами (менее 1000 самолетов в 2003 г. и более 2000 самолетов в 1991 г.), в меньшие сроки (21 день и 38 дней соответственно) было уничтожено почти в 5 раз больше целей (19900 объектов против 4500).

В этой связи обращает на себя внимание массированное строительство в области средств ВКН, предпринятые США в последние годы и рассчитанные до 2025 годов. По оценке генерального конструктора Концерна «Алмаз-Антей» Созинова П.А., это выглядит следующим образом.

Развитие средств воздушно-космического нападения

Оперативно-стратегические формы применения СВКН в войне с применением обычных средств поражения

Воздушные операции и кампании

2020-2025 гг.

Воздушно-космические операции и кампании

Выводы:

1. На рубеже 2020-2025 годов возможно создание принципиально новых СВКН (ударные КА, ВКС, ГЗКР, гиперзвуковые самолеты, ПБГ), что приведет к превращению воздушно-космического пространства в единую сферу вооруженной борьбы.
 2. Произойдут кардинальные изменения в оперативно-стратегических формах применения СВКН, связанные с перерастанием традиционных воздушных операций и кампаний в воздушно-космические с применением обычных средств поражения.
 3. Для нейтрализации угрозы СВКН необходимо адекватное совершенствование средств и систем ВКО РФ.

Как видно из данных, приведенных П. Созиновым, к 2025 году будут разработаны, испытаны и произведены принципиально новые средства поражения – гиперзвуковые и ВТО, которые будут действовать на разных высотах и радикально могут изменить всю СО в мире. Естественно, что это самым негативным образом отразится на ВПО и МО: появления ядерного оружия у США стало военно-технической основой для холодной войны, а неядерного ВТО – для возможной войны на разных ТВД в Евразии.

В самом общем виде современная «совмещенная» картинка СО и МО может выглядеть следующим образом, что может объяснять растущую взависимость МО от СО, с одной стороны, и ВПО-СО от МО, – с другой.

Развитие вероятных вариантов сценария МО–ВПО–СО после 2021 года и на перспективу до 2045 года

МО в 2016–2018 гг.

Сценарий глобального «Военно-силового противоборства» как сочетание «реалистического» и «пессимистического» вариантов (1-й период)

МО в 2018–2021 гг.

Сценарий глобального «Военно-силового противоборства» в его «пессимистическом» варианте (2-й период)

МО в 2021–2025 гг. (3-й период)

МО в 2025–2030 гг. (военный период развития МО)

МО в 2030–2031 гг. (послевоенный период МО)

МО после 2030–2031 гг. Новая система международной безопасности

ВПО и СО в 2016–2018 гг.

Разворачивание глобальной ПРО и ВТО в стратегическом варианте усиливает вероятность «пессимистического» варианта

ВПО и СО в 2018–2021 гг.

Способность вести полномасштабные войны на разной ТВД без ЯО

ВПО и СО в 2021–2025 гг.

Неизбежность вовлечения стран-лидеров в военные конфликты в регионах

ВПО и СО в 2025–2030 гг.

Перерастание войн на ТВД в глобальную войну

ВПО и СО в 2030 г.

Решительная победа одной из ЛЧЦ

ВПО и СО после 2030–2031 гг.

Новая система ВПО–СО

Как видно из этого рисунка-схемы, противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ будет развиваться по военно-силовому («реалистическому» или «пессимистическому») варианту, продвигаясь достаточно быстро по лестнице эскалации вооруженного конфликта. Этот вариант в 2021–2025 годы переходит в полномасштабную войну на большинстве театров военных действий (ТВД) от Европы и Арктики до АТР без использования ОМУ. Иными словами динамика развития вооруженного противоборства чрезвычайно высока и требует соответствующего политического, государственного и общественного управления из единого центра и с помощью единых средств информации, связи и управления.

Мы не прогнозируем влияния новых парадигм

Модель развития МО, ВПО и СО до 2025 года, ограниченная существующими парадигмами, и после 2025 года

Существующая парадигма развития МО

В рамках существующей парадигмы (с высокой степенью вероятности до 2025 года) эта схема может быть реалистичной, но она потребует корректировки в рамках неизбежного появления новых парадигм (после 2025 года).

Наиболее вероятный сценарий глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» в обоих своих вариантах предполагает реализацию Западом соответствующей стратегии, которая имеет следующие основные характеристики:

- **основная цель:** сохранение контроля западной локальной ЛЧЦ над созданными ею финансово-экономическими и военно-политическими и международно-правовыми мировыми системами, предполагающая решение следующих задач:
- подчинения своим нормам и правилам поведения правящих элит ЛЧЦ и государств, а также отдельных акторов;
- изменения системы ценностей других ЛЧЦ, наций и государств в направлении «универсальных» систем западной ЛЧЦ;
- изменения представления о национальных интересах, самоидентификации и политическом суверенитете;
- контроля над территориями, транспортными коридорами и ресурсами;
- **основные средства:** полный спектр политico-дипломатических, финансовых, экономических и информационных, а также военных средств, используемых в качестве принуждения, угрозы применения силы, и военного насилия;
- **основной способ:** системное использование всех силовых, включая военных средств, для достижения поставленной цели. При этом предполагается использование не только государственных, но и общественных и частных ресурсов для достижения поставленных целей, а также всех возможностей наций контролируемой ЛЧЦ;
- **основной принцип:** сетецентричность, объединение всех ресурсов ЛЧЦ, включая информационные, в режиме реального времени.

Существующая парадигма развития МО

Данная стратегия в отношении России является бескомпромиссной по своим целям, хотя и может несколько отличаться по своим средствам, среди которых для США желательно было бы избежать наиболее масштабных и острых форм военного противоборства из-за военных рисков и экономических издержек. Сути стратегии (цели) это не меняет: они остаются решительными и далеко идущими, включая не только уничтожение и раздел российского государства, ликвидацию его суверенитета, но и конечную ликвидацию российской нации в Евразии.

С точки зрения геополитической, Россия как нация и государство должна быть ликвидирована, прежде всего посредством подчинения элиты, потери идентичности, что обеспечит западной ЛЧЦ решение основных конкретных задач:

- устранение геополитического конкурента в Евразии;
- ликвидация потенциального враждебного центра интеграции;
- раздел природных ресурсов и территории;
- ликвидация российского контроля над транспортными коридорами.

Очевидно, что политического или цивилизационного компромисса по этим вопросам с западной ЛЧЦ быть не может.

Запад уже не готов к компромиссу относительно раздела сфер влияния и контроля. Ему нужна «окончательная» победа. При этом понимание полной и окончательной победы в XXI веке иное, чем в предыдущей истории: «полная» победа – это контроль над политической элитой, системой ценностей и обществом, а не оккупация территории или разгром армии. Соответственно это обстоятельство формирует не только условия, но и средства и способы стратегии достижения поставленной цели.

Смена парадигм

В качестве примера рассмотреть понятие «безопасность» в развитии следующих важнейших парадигм МО, а также гипотетическую возможность появления новых парадигм в ХХI веке.

Эволюция основных существующих парадигм и возможность появления новых парадигм в МО в XXI веке

Фактически в конце XX века произошли две революционные смены военно-политических парадигм, которые во многом изменили характер войны. Новый характер войны неизбежно меняет и ее политическую парадигму, которая в XXI веке превращается в военно-силовое противоборство западной ЛЧЦ за сохранение контроля над сложившимися в XX веке военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире. Это означает неизбежную замену системы международной безопасности как систему договоренностей на систему военно-технического и иного силового противоборства.

Отношения с другими ЛЧЦ до 2025 г.

Представляется маловероятным, чтобы противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, кроме российской, перешло из враждебной в вооруженную стадию до 2025 года в силу нескольких причин.

Наиболее важными из них являются следующие:

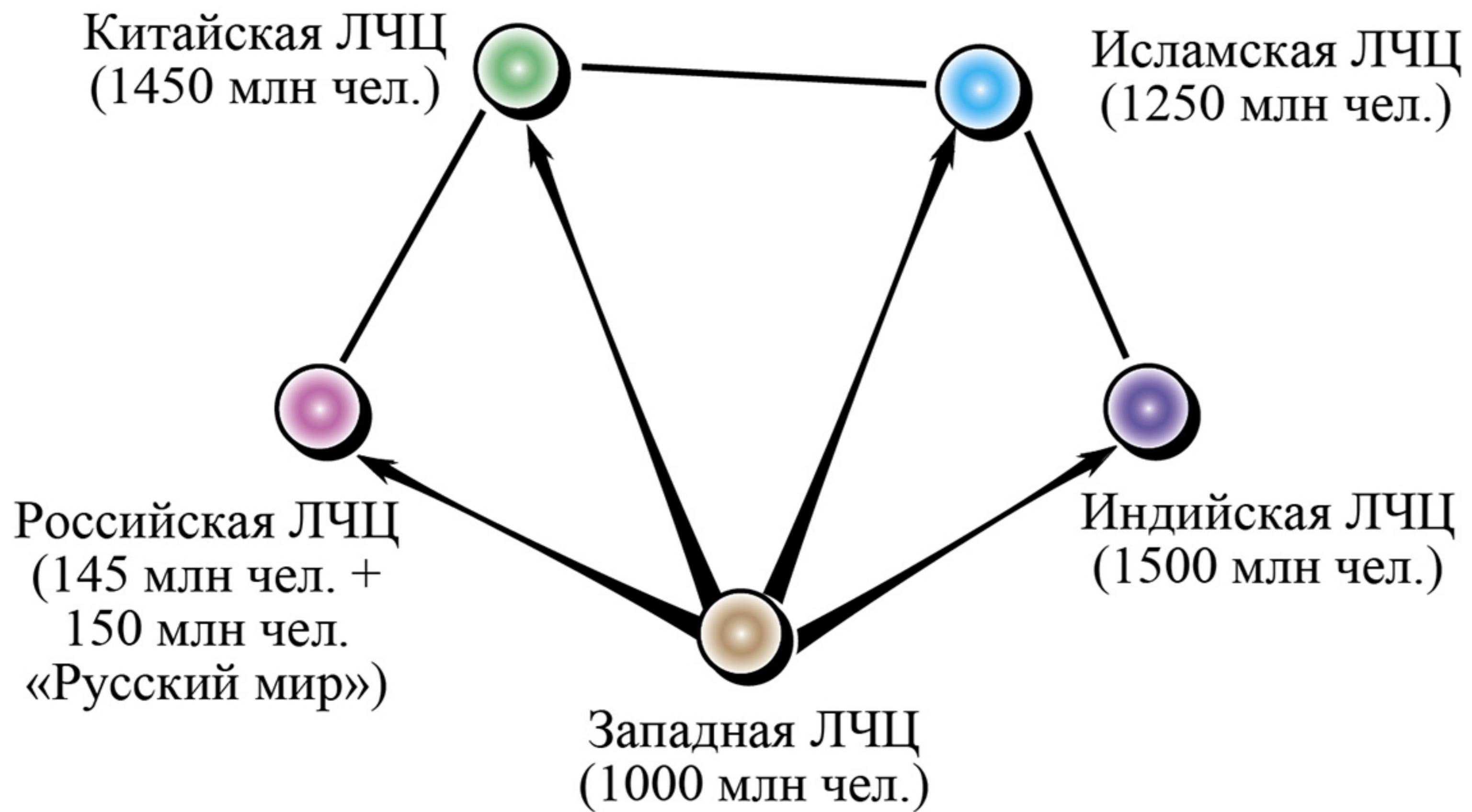
- наиболее мощные альтернативные западной ЛЧЦ центры силы не будут до 2025 года обладать сколько-нибудь достаточной военной мощью, а исламская ЛЧЦ, разделенная на суннитскую и шиитскую ветвь, во многом будет контролироваться США;
- ни китайская, ни индийская ЛЧЦ, которые постепенно становятся сопоставимыми с западной ЛЧЦ, не будут в среднесрочной перспективе оспаривать первенство последней. Их стратегия во многом предопределется созданием собственного цивилизационного окружения (включая и элементы западной ЛЧЦ);
- другие нарождающиеся центры силы в среднесрочной перспективе не будут в состоянии противостоять западной ЛЧЦ;
- единственный центр силы, который уже заявил публично о своей самостоятельности и готовности защищать свою систему ценностей, – российская ЛЧЦ. Она вступила фактически в стадию конфронтации и силового противоборства с западной ЛЧЦ. Соответственно и сценарий противоборства западной и российской ЛЧЦ в наиболее опасном варианте уже начал реализовываться и получать своё развитие.

Парадигмы средств политического влияния: сравнение средств политического влияния государств и ЛЧЦ в XIX и XX веках

Структура средств политики государств в XIX веке	Структура средств политики наций в XX веке	Структура средств политики ЛЧЦ в XXI веке
<ul style="list-style-type: none">официальная дипломатия;	<ul style="list-style-type: none">официальная и публичная дипломатия;международные организации;коалиции и союзы и т.д.	<ul style="list-style-type: none">официальная, публичная и «новая публичная дипломатия»;международные организации;НПМО;коалиции, союзы, блоки;глобальные союзы (ТПП, ТПА и т.д.);
<ul style="list-style-type: none">традиционные средства вооруженной борьбы: Армия, Флот;	<ul style="list-style-type: none">средства вооруженной борьбы: Армия, Флот, стратегическая авиация, ЯО, космические средства и т.п.	<ul style="list-style-type: none">средства вооруженной борьбы: Армия, Флот ВВС, ВКС, ЯО; частные военные компании; экстремизм; терроризм
<ul style="list-style-type: none">СМИ (в зачаточном варианте в XIX в.)	<ul style="list-style-type: none">СМИ: электронные; печатные; интернет	<ul style="list-style-type: none">СМИ: электронные; печатные; интернет; сетевые; веб 2.0 технологии, веб 3.0, 4.0 и пр.

Из этого сравнения видно, что противоборство ЛЧЦ в XXI веке будет опираться прежде всего на те силовые инструменты политики, которые связаны **с количеством и качеством национального человеческого капитала и его институтов**. И не случайно, объективные критерии английского рейтинга «мягкой силы» в основном состоят из показателей, характеризующих именно количество и качество НЧК и его институты.

Новые центры силы ЛЧЦ, развивающиеся на базе национального человеческого капитала

Как видно на рисунке, за исключением российской ЛЧЦ (в ее нынешнем, урезанном виде) остальные ЛЧЦ вполне сопоставимы по количественным показателем и уже в настоящее время и будут еще в более сопоставимом положении к 2040 году.

Сокращение численности некоторых ЛЧЦ относительно других ЛЧЦ не имеет принципиального значения потому, что гораздо важнее становится **качество НЧК ЛЧЦ**, прежде всего, способность к творчеству и самоорганизации, а также качество его институтов.

Сравнение политики стратегического сдерживания России с политикой «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ

Политика стратегического сдерживания России	Политика «новой публичной дипломатии» США
Военные и иные средства, предназначенные для нейтрализации угрозы использования военной силы: – политические, экономические, информационные и пр.; – военные средства ведения обычных войн и операций; – средства для ведения глобальной войны (СНВ, ВКО и пр.)	Военные и иные средства, предназначенные для обеспечения эффективной военно-силовой политики в зависимости от масштаба и характера использования: – экстремистские организации; – террористические организации; – диверсионные подразделения; – силы быстрого развертывания; ... – глобальные ядерные силы; – комплекс стратегических наступательных и оборонительных вооружений
?	Информационные, психологические и иные средства политики «новой публичной дипломатии»
?	Экономические, финансовые, торговые средства «новой публичной дипломатии»
?	Гуманитарные (образовательные, научные, технологические и пр.) средства

Даже самое беглое сопоставление политики стратегического сдерживания России и политики «Новой публичной дипломатии» говорит о том, что:

- политика стратегического сдерживания ограничена по своим целям только предотвращением использования военной силы, т.е. носит исключительно оборонительный характер;
- эта политика ограничена только угрозам территориальной целостности и суверенитета, не говоря, например, о таких приоритетах, как национальная идентичность, либо другие национальные интересы;
- отсутствует, как минимум, общая, интегрированная, политическая цель для политики стратегического сдерживания (хотя бы в традиционном варианте «обеспечения благоприятных условий для национального развития»).

Нужна качественно иная политика стратегического сдерживания в противоборстве с западной ЛЧЦ, в которой акцент делается не только на военные средства насилия, но и на невоенные средства и способы противоборства, а также их синтез по аналогии существующей сегодня в США «стратегией принуждения» («*strategy of coerce*»).

Это неизбежно ведет к тому,
что мы ожидаем и готовимся
«не к той войне», которая будет
(даже уже началась),
наше отношение к
военно-политическому
противоборству уже устарело.

СПАСИБО

Подберезкин Алексей Иванович

www.eurasian-defence.ru

andr kup@yandex.ru

+7 (495) 434-85-34

ЦВПИ © 2016.